Рисунок Ю. ГАНФА.

Недавние парламентские выборы во Франции показали, что вся демократическая общественность страны выступает против реакционных партий, проповедующих политику войны.

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 3 30 ЯНВАРЯ (1437) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

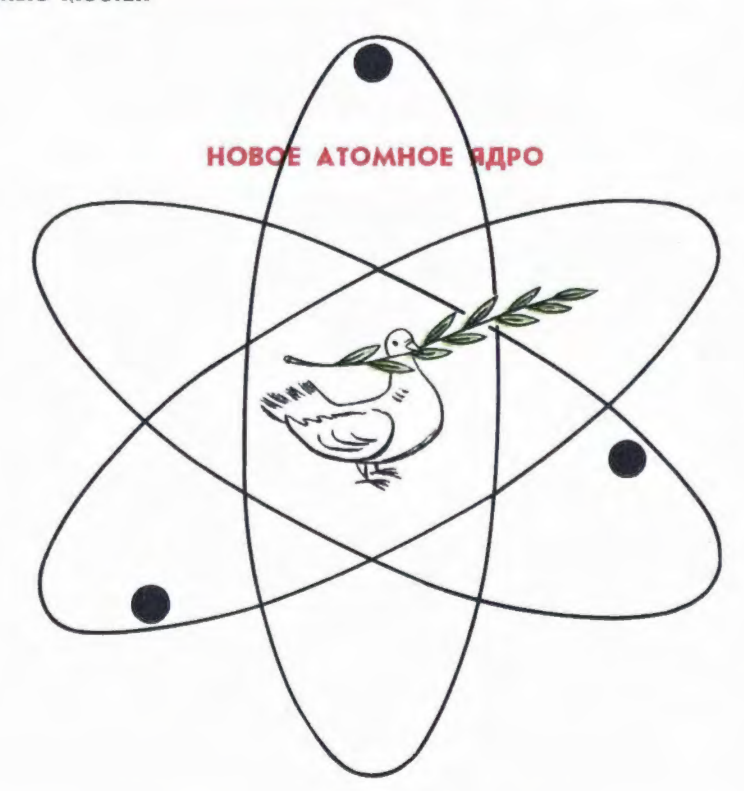
Венгерские друзья в гостях у Крокодила

31 января исполняется 10 лет со дня провозглашения Венгрии республикой

Венгрия экспортирует в Египет металлические конструкции для строительства мостов.

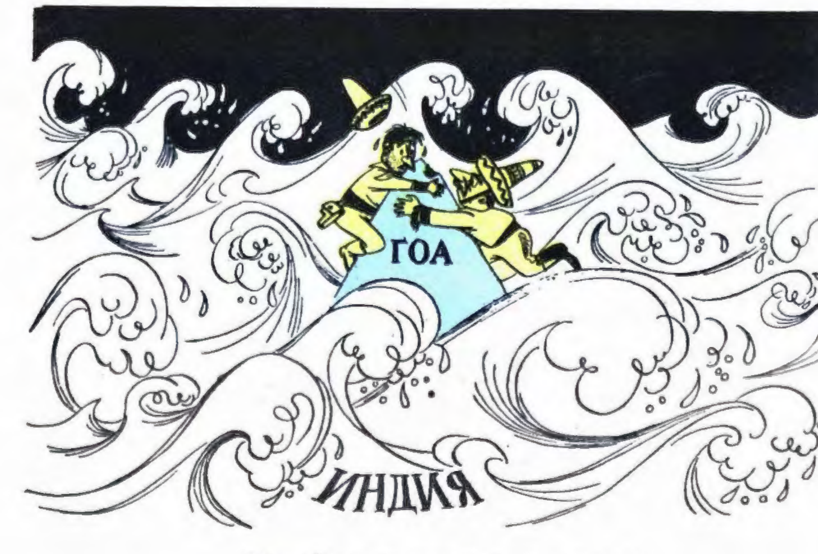

— А ведь правильно говорят, что венгры строят превосходные мосты!

НОВОЕ АТОМНОЕ ЯДРО

КОЛОНИЗАТОРЫ ВО ВРЕМЯ БУРИ

— Как бы нас отсюда не смыло!

Рассказ и рисунки из венгерского сатирического журнала «Лудаш мати».

Миклош ГЕРГЕЙ

ДВЕ ДЕРЕВНИ

В заводскую раздевалку вошёл новый рабочий. Ковач с любопытством взглянул на него:

— Сегодня первый день работаешь у нас?

— Да.

— Шандор Ковач,— представился ветеран завода.

— Петер Сабо,— представился новичок.

— Из деревни пришёл к нам?

— Оттуда.

— И хорошо сделал, что выбрался! Я тоже в своё время пришёл сюда из деревни. Ну что там за жизнь?! Город — это город, а деревня всегда останется деревней. В нашей, например, деревне даже хорошей питьевой воды не было.

— Ну! — возразил Сабо.— А у нас есть артезианский колодец, вода в нём едва ли не лучше, чем будапештская...

— Грязное гнездо! — раздражённо сказал Ковач.— И вот тебе пример. Однажды осенью еду я на телеге в соседнюю деревню. И вот телега на середине пути по самые оси в грязи увязает. Спрыгиваю с телеги, самого грязь засасывает. Хочешь — верь, хочешь — нет, но пришлось мне вылезать из сапог!

— А по нашей деревне проходит отличное шоссе. Одно удовольствие ехать по такой дороге! Ровная, как стол. И улицы в полном порядке.

Ковача уже явно раздражало упрямство новичка.

— Э, да что ты в этом смыслишь! Твоя деревня не настоящая деревня. Ты, видно, и понятия не имеешь, что такое настоящая, заброшенная на край света деревня, что такое длинные зимние вечера с вонючей керосиновой лампой! Помню, однажды я даже сказал жене: давай-ка лучше посидим в темноте. Правда, в то время мы были ещё молодожёнами...

— А в нашей деревне есть электричество,— сказал Сабо.

— Может быть... Но у нас... Да ты себе не представляешь! Человек не знает, куда себя девать. Некуда пойти. Нет, город — это совсем другое дело! Тут и кино, и театр, и всё, что хочешь.

— У нас в деревне тоже есть кино. Часто выступает самодеятельность, приезжает и сельский театр. Ну, назовите мне хоть один из последних фильмов, который бы я не смотрел!

— И не собираюсь! Я уже сказал, что твоя деревня — это не деревня. Деревня — это отсталость. Как бы тебе доказать?.. Ну, знаешь ты, к примеру, что такое шахматы?

— Припоминаю,— усмехнулся Сабо.— Как-то раз вечером играл я в шахматы с заведующей нашей молочной фермой. А она ведь даже обыграла нашего кооперативного пастуха, сильнейшего в деревне шахматиста. Объявляю я ей, значит, шах слоном...

— Ну, оставим шахматы,— сдался Ковач.— А вот у нас в деревне какой случай был. Моя жена ожидала ребёнка. Ну, и однажды вечером она говорит мне: «Шандор, позови врача». Я, конечно, на телегу и помчался. И что же? Когда приехал обратно из города с врачом, дочке Кате было уже полтора дня.

— У нас в деревне есть своя поликлиника,— заметил Сабо.

— Да оставь ты наконец в покое свою деревню! — рассвирепел Ковач.— Только и знаешь: «в нашей деревне», «в нашей деревне»!.. Кто говорит о твоей деревне?! Я о своей деревне говорю! Да и подозрительна мне что-то твоя деревня! Наверняка это что-нибудь вроде города на двадцать—тридцать тысяч человек... Как она называется-то?

Сабо ответил.

— Что?! — остолбенел Ковач.— Да ведь это же моя деревня! Я о ней и говорил! Оттуда я десять лет назад пришёл на завод!..

— А я тоже об этой деревне говорил,— откликнулся Сабо.— Только приехал я оттуда сегодня.

Перевёл И. НИКОЛАЕВ.

СОВЕТСКИЕ ТУРИСТЫ В ВЕНГРИИ

Рисунок Кароя Шандора для Крокодила.

— И нам дайте автографы!

Калман Латабар.

Недавно в Советском Союзе гастролировал Будапештский театр оперетты. Спектакли венгерских артистов были исключительно тепло встречены советскими зрителями.

Мы попросили главного режиссёра будапештской оперетты Дьердя Секей и журналиста Иожефа Короди, сопровождавшего труппу, поделиться с читателями Крокодила своими впечатлениями о пребывании в нашей стране.

Мы публикуем их путевые заметки и дружеские шаржи на артистов и режиссёра театра, выполненные художником Н. Лисогорским.

Камиль Фелеки.

Дьердь СЕКЕЙ

Без переводчика

Ещё полгода назад в Будапеште начали ходить слухи о том, что венгерская оперетта уезжает на гастроли в Москву. Мы относились к этим слухам, как дети к сказке: и верили и не верили.

Разумеется, не всё в нашей подготовке к поездке проходило гладко. Узнав, что многие артисты начали изучать русский язык, я как-то спросил у одной артистки об её успехах в учёбе. Вздохнув, она мне ответила: «Беда в том, что когда слухи усиливаются, я за день выучиваю десять слов, а когда ослабевают, я от волнения и последние забываю!».

Дьердь Секей.

Наступил день отъезда. Уже в поезде начали поступать заявки на билеты. Например, проводник спального вагона подсчитал, что через две недели он сможет посмотреть наш спектакль в Москве. Действительно, через две недели он аплодировал нам в седьмом ряду, а в антракте пообещал, что на обратном пути будет ещё лучше готовить нам чай, чем до сих пор.

В Москве с первых же дней мы начали пользоваться выученными словами. Не обходилось, конечно, и без недоразумений. Как-то после очень вкусного обеда один из наших музыкантов горячо поблагодарил официанта, но вместо «Спасибо!» сказал «До свидания!». Озадаченный официант спросил, понравился ли ему обед, на что музыкант весело ответил: «Извините, пожалуйста!».

В театре нас тоже ожидали сюрпризы. Пожалуй, самым трогательным был случай, когда на второй день гастролей наши технические работники за час до начала спектакля отправились ставить декорации к первому действию «Сильвы». У входа их встретили и повели в зрительный зал. Внезапно погас свет, и раздвинулся занавес... Декорация уже стояла! Этот сюрприз нам, оказывается, приготовили наши московские друзья.

В таких случаях слова и переводчики излишни: одно дружеское рукопожатие заменяет тысячи слов.

И всё-таки без переводчика подчас приходилось нелегко. В гостинице с одним нашим музыкантом произошёл такой, например, случай. Утром он дал постирать рубашку к смокингу, а вечером пошёл её получить. Но на этот раз он не смог объяснить, что ему нужно. Забыл слово «рубашка». После безуспешной жестикуляции он побежал в номер, облачился в смокинг, на голой шее завязал галстук и поспешил обратно. В этом нелепом одеянии предстал он перед изумлённой коридорной, которая, впрочем, быстро поняла, что ему нужно...

«В Москве холодно, — предупреждали нас дома. — Зима началась тридцатиградусными морозами...» Что же будет?! Мы решили поосновательнее одеться. Шубы, меховые шапки, сапоги, шали, одеяла, тёплые наушники, джемперы — всем этим до отказа набивались наши чемоданы...

А на другой день после нашего приезда началась оттепель, и я уже хотел срочно телефонировать домой, чтобы мне самолётом выслали что-нибудь полегче...

В этом сезоне мы встречали два Новых года. Московский Новый год мы встретили в полночь, а будапештский — в два часа ночи. Мы думали о том, что если этот Новый год начался для нас два раза, то, возможно, в этом году мы всё будем получать вдвойне. И эта фантастическая мечта вдруг начала сбываться. Одна гастрольная поездка превратилась в две: из Москвы мы выехали на гастроли в Ленинград.

Конечно, этому слуху мы тоже не сразу поверили. А когда убедились в том, что это правда, решили: с этого дня всегда будем мечтать о прекрасном, чтобы в будущем наша жизнь тоже всегда была прекрасной.

Иожеф КОРОДИ

Из московского дневника

Московские зрители говорят, что артисты будапештской оперетты подарили им много весёлых вечеров. Это не удивительно: ведь мы жили среди жизнерадостных друзей, в атмосфере новогоднего веселья и чувствовали себя, как дома.

Калмана Латабара, например, в Москве узнавали повсюду, где бы он ни появлялся, точно так же, как и в Будапеште. Однажды вечером в Московском цирке он роздал столько автографов, что в конце концов умоляюще обратился ко мне:

— Прошу тебя, окажи мне одну любезность!

— Пожалуйста.

— Отнеси домой мою правую руку. Она так устала от автографов...

Москва гораздо больше, чем мы себе раньше представляли, но заблудиться в ней — поистине сложное дело. Ведь каждый москвич с такой готовностью показывал нам нужное направление, что мы могли попасть в гостиницу даже не одним, а четырьмя — пятью путями.

Что же касается языка, то наши артисты подчас разговаривали с москвичами очень любопытным образом. Роберт Ратони, всем известный исполнитель роли Бони в «Сильве», хотел попасть домой, на Комсомольскую площадь. Он обратился к милиционеру и произнёс только три слова: «Будапешт, оперетта, Бони». У милиционера озорно засверкали глаза, и он начал насвистывать мелодию из «Сильвы», но тут же, спохватившись, указал Роберту кратчайший путь до гостиницы.

Были среди нас и такие, кто не любил спрашивать, надеялся на свою самостоятельность. Они считали, что если могут прочесть на фасадах станций метро большую букву «М», то они уж и московские старожилы. Анна Зентаи (Олеся в «Трембите») поразила всех нас, когда сама, без переводчика, показала советскому человеку, повидимому, приезжему, где находится станция метро.

Дьердь Сиртеш, директор театральной мастерской, тоже очень быстро почувствовал себя самостоятельным. Товарищи, которые ехали с ним в метро, пропустили станцию, где они должны были выйти.

— Не беда, — бодро сказал Сиртеш, — проедем на одну станцию дальше, а потом вернёмся. Что такое одна станция?!

Можете себе представить, что из этого получилось. На переходах, поворотах, возвращениях мы потеряли целый час.

— Не беда! — весело говорил Сиртеш. — Заблудиться — это ведь тоже переживание!

На первых порах нас удивляло, что в Москве и зимой едят мороженое. И без того холодно! Это ведь то же самое, о чём говорит венгерская пословица: «Лить воду в Дунай»!.. Ну, а теперь у нас в хоре многие придерживаются того мнения, что мороженое вовсе не вредит на морозе, даже наоборот, охлаждая горло, предупреждает простуду...

Мы заметили, что в Москве первым этажом называют этаж, который у нас ещё совсем не этаж. У нас в Будапеште первый этаж — это московский второй или даже третий, так как у нас существуют различной высоты полуэтажи. Однажды Камиль Фелеки (в «Сильве» — старший официант) спросил кого-то в лифте гостиницы:

— На каком мы сейчас этаже?

— На первом.

— А я хочу спуститься этажом ниже.

В общем, Камиль чуть было не оказался в подвале гостиницы.

Однажды молодой артист Ласло Шакани (стареющий герцог в «Сильве») буквально засыпал прохожего вопросами на «своём собственном» русском языке. Москвич не понял ни одного слова. Я подошёл в тот момент, когда они уже объяснялись жестами. И так как я немного понимаю по-русски (не правда ли, товарищ редактор?), москвич обратился ко мне с вопросом:

— Скажите, какой национальности этот товарищ?

— Венгр.

— Интересно! Хоть венгерский язык и похож на русский, а я всё-таки не понял, что он говорил...

Да, мы не всегда понимали слова, но зато мы понимали душу друг друга. И память о Москве, это самое лучшее, мы привезём домой, в Будапешт. И бережно сохраним в наших сердцах.

Рисунок Ю. ФЁДОРОВА.

1 ДЕКАДА

2 ДЕКАДА

3 ДЕКАДА

БЕЗ СЛОВ О ШТУРМОВЩИНЕ.

Заместителю министра сельского хозяйства Киргизской ССР товарищу Н. И. КОСТЮКУ

Уважаемый Николай Иванович!

На днях вы получите телевизор. Я лично заказал его на заводе и дал экспедиции ваш домашний адрес. А чтобы избавить вас от раздумий о платеже, я заранее договорился с руководителем сберкассы: соответствующая сумма уже списана с вашего текущего счёта.

А вот и еще новость: в ваш адрес отправляется по моей просьбе дюжина стиральных машин. Очень хорошие машины! Многие соседи будут вам, несомненно, завидовать.

Кроме того, в течение ближайших двух — трёх лет я буду регулярно отправлять во Фрунзе холодильники, пылесосы, швейные машины, патефоны, инструменты для духового оркестра — ну, и ещё кое-что по мелочи. Я, видите ли, заказал всё это на различных заводах в расчёте на своих многочисленных знакомых, но пока ещё не знаю толком, кому и что именно нужно. Так вот попрошу вас получать мои посылочки, доставлять их к себе на квартиру и хранить впредь до моих распоряжений. Только учтите, пожалуйста: с получением грузов мешкать нельзя, иначе вам же придётся платить штраф за просрочку.

Вы имеете возражения? Верю. Но я не могу признать их справедливыми. Потому что следовал в точности примеру... Знаете, чьему?

Вашему, Николай Иванович, и ваших ближайших помощников из Кирглавсельснаба.

Вы утверждаете, что телевизор вам совсем ни к чему, поскольку во Фрунзе пока ещё нет телевидения? Согласен. Говорите, что самоуправное распоряжение вашим текущим счётом — не что иное, как беззаконие? Против этого тоже не спорю. Но что прикажете делать, скажем, дирекции Кантской машинно-транспортной станции Фрунзенской области? Хлопководством колхозы, обслуживаемые ею, пока ещё не занимаются. А заказанные вами машины для ухода за хлопком её заставили принять. И вот ещё вопрос: как быть директору Ленинпольской МТС Таласской области? Ему доставили, несмотря на его протесты, не применяемые в этой местности тросовые волокуши, а деньги за них просто изъяли (правда, нехорошо?) с текущего счёта...

Вам не по душе и предлагаемые мною разгрузочные операции? Вам не хотелось бы отрываться ради них от своей непосредственной работы? А заглянули бы вы на усадьбу Аламединской машинно-тракторной станции! Сколько там всякого чужого добра: волокуш и опыливателей, опрыскивателей и культиваторов, дождевальных установок и скреперов, сенокосилок и лесных плугов, станков и пожарного оборудования!.. Всё это было изготовлено промышленностью по вашим заявкам, адресовано Аламединской МТС по указаниям Кирглавсельснаба, вывезено силами трактористов и комбайнеров, в ущерб полевым и ремонтным работам, на эмтээсовскую усадьбу — и лежит до сей поры, припорошенное поверх бурьяна снежком, в ожидании тех, кому оно действительно нужно. А кому оно действительно нужно, никто толком не знает...

Не думаю, чтобы вас прельщали дальние поездки. Но если вы заглянете при случае на Аларчинскую, Нарынскую, Балыкчинскую, Теплоключенскую, Кызыл-Кийскую или ещё какую-нибудь ближайшую машинно-тракторную станцию, вы и там увидите много всякого добра, залежавшегося на усадьбах в ожидании лучших для него времён.

Времена же эти, скажу вам по секрету, могут и не наступить. У машинно-тракторных станций одной только Фрунзенской области скопилось на семь с лишним миллионов рублей сельскохозяйственной техники, которая была заказана вами и вашим ближайшим помощником, начальником Кирглавсельснаба тов. Чернецким, привезена со всех концов страны, но ещё ни разу не побывала и, очевидно, уже не побывает на колхозных полях. И точно такая же картина в Тянь-Шаньской, Таласской, Иссык-Кульской, Ошской областях. Подумать только, до чего капризная техника: лежит и стареет!..

В заключение позвольте передать вам привет от конструкторов и машиностроителей, которые, усердно трудясь, выполняли ваши заказы, от металлургов, обеспечивших эти заказы добротным литьём, и от железнодорожников, которые торопились доставить вагоны с драгоценными грузами по указанным вами адресам. Если вы со своей стороны пожелаете им что-нибудь при моём посредстве сообщить, — пожалуйста!

В ожидании вашего скорого и благосклонного ответа низко кланяюсь.

Крокодил

АДРЕС НЕИЗВЕСТЕН

Я собирался в командировку. Директор нашего института долго и обстоятельно инструктировал меня о целях и задачах моей предстоящей поездки в Ростов-на-Дону. Я внимательно слушал его, делая пометки в записной книжке. Прощаясь, директор задержал мою руку:

— У меня к вам попутно большая просьба: если вас только не затруднит, разыщите в Ростове одного моего старого друга. Пусть передаст с вами давно обещанные материалы, а то, сколько ни пишу, никакого ответа. Он работает...

Директор вырвал из блокнота листик и записал координаты своего товарища.

— Кстати, — добавил он, — приятель мой может оказаться очень полезным и вам в том деле, по которому вы едете в Ростов.

Через несколько дней, будучи в Ростове, я вспомнил о просьбе нашего директора, но, к огорчению своему, обнаружил: листик с адресом, который вручил мне директор, исчез неизвестно куда. Сколько я ни силился, не мог вспомнить ни фамилии, ни адреса приятеля нашего директора. Единственное, что сохранилось в моей памяти: нужного мне человека звали Георгием Николаевичем, и работал он в какой-то проектной конторе.

Я рассердился на свою рассеянность, но тут же успокоил себя:

— Впрочем, беда не велика. В Ростове, надо полагать, не так уж много проектных контор, как-нибудь найду...

...Первым местом, куда я сунулся, была проектная организация Министерства электростанций «Теплоэлектропроект». Великолепный фасад на главной улице города сразу привлёк моё внимание.

— Георгий Николаевич? — переспросил меня заведующий отделом кадров. — У нас, дорогой товарищ, семьсот сотрудников, в сто раз больше, чем десять лет тому назад. Среди них по меньшей мере пять Георгиев Николаевичей! Особые приметы у вашего имеются?

— К сожалению, никаких примет я не знаю.

— Худо!.. Один Георгий Николаевич сейчас в Узбекистане: поехал сдать заказ. Но, возможно, это другой Георгий Николаевич? — нерешительно предположил заведующий отделом кадров. — Он не был в прошлом году в Москве? Да, вспомнил, и он сейчас в командировке.

— Тоже в Узбекистане? — спросил я.

— Нет, в Казахстане. У нас и там есть заказ.

— А кто ж из Георгиев Николаевичей сейчас на месте?

— Увы! — огорчил меня заведующий. — Все в разъезде. Кто в Кишинёве, кто в Фергане. Разъехались. Уточняют на месте проекты. Так сказать, от хладных финских скал до пламенной Колхиды. У нас масштабы широкие: на одни командировки отпущено свыше миллиона рублей!

После этого я посетил проектные организации Министерства строительства СССР «Водоканалпроект» и «Промстройпроект».

Всюду были свои Георгии Николаевичи, но все они находились в разъездах, поскольку организации, где они работали, готовили проекты для самых отдаленных мест страны. Один Георгий Николаевич, на моё счастье, находился пока ещё в Ростове. Но разыскать его оказалось не так легко.

Было 12 часов дня.

— В это время он работает в «Росгипросовхозстрое», — пояснили мне.

Увы! Там я его не застал.

— Вас ввели в заблуждение, — сказали мне. — С двенадцати до часу Георгий Николаевич трудится в «Ростоблпроекте». Запомните: с двенадцати до часу. Торопитесь!

Я действительно поторопился, но там услышал из уст главного инженера:

— Вы не туда попали. Здесь не «Ростоблпроект», а «Ростгорпроект». Понимаете — «гор», а не «обл».

— А разве это не одно и то же?

— Нет, — вздохнул мой собеседник.

— То есть?

— Видите ли, обе эти конторы призваны проектировать специально для нужд Ростова. Поэтому одна из них, «Ростоблпроект», проектирует для Сочи, Армавира, Белгорода и даже Уральска.

— Ничего не понимаю! — удивился я. — Почему именно поэтому?

Главный инженер перешёл на доверительный шёпот:

— Да потому, что двум коммунальным конторам в Ростове делать нечего. А между прочим, часть ростовского коммунального проектирования передана московской и ленинградской конторам Министерства коммунального хозяйства, а часть — одесской конторе «Гипропищепром». Видно, и у них там работёнки не хватает!.. Впрочем, вы, кажется, спрашивали Георгия Николаевича? Насколько я знаю, он халт... извините, работает где-то по совместительству. Ищите да обрящете...

Я посетил ещё с десяток проектных организаций — и всё бесплодно. Только в одном месте нашёл следы нужного мне человека.

— Вам Георгия Николаевича? — переспросил швейцар и, оглянувшись по сторонам, тихо добавил: — Таракана?!

Повидимому, недоумение на моём лице было выражено достаточно ярко, ибо швейцар немедленно продолжил:

— Сразу видно, новенький вы в этих делах. А у нас тут народ тёртый, «тараканит». Как тот таракан, что греется сразу у пяти печей. Вот и бегают из конторы в контору, нигде толком не работают, а только греются...

Швейцар посмотрел вдруг на лестницу и сказал вполголоса:

— Ползёт!

По лестнице спустился гражданин солидного вида. Минуты не понадобилось, чтобы выяснить... что я вновь ошибся адресом.

— На какой ещё улице есть проектная контора? — спросил я постового милиционера.

— На любой. А на некоторых по две!

Руководствуясь этим указанием, я обнаружил в Ростове целые россыпи проектных контор. Рядом с конторой союзного Министерства городского и сельского строительства «Гипросельхоз» находилась аналогичная контора того же министерства, только республиканского подчинения, «Гипрогорсельстрой», за конторой «Гипростройдормаша» следовала контора «Гипронефтезаводы»...

На этом я прекратил свои безуспешные поиски: в Ростове оказалось пятьдесят проектных контор... Обойти их все до одной не хватало ни времени, ни сил.

Просьба нашего директора так и осталась невыполненной. Не по моей вине...

Сергей ЗВАНЦЕВ

г. Ростов-на-Дону.

ОСВОИЛИ ТЕХНИКУ...

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Сергей АНАНЬИН

Иллюстрации Е. ЩЕГЛОВА.

Рассказ об истинном происшествии

Считалось, что начальник в этом учреждении, конечно, есть. На самом деле начальника не было. Получалось так потому, что начальники сменялись, или, как тогда говорили, перебрасывались, будто листки календаря, так что не только быть хозяином, но даже разобраться, что это за учреждение и для чего учреждено, они не успевали. Очередной начальник торопливо рассуждал:

— Ежели меня сюда бросили,— значит, важное учреждение. А ежели важное,— значит, прежде всего надо увеличить штаты.

С каждым увеличением штатов учреждение приносило пользы всё меньше и меньше. Сотрудники задумались: кому охота работать, если пользы нет?

Сидели все, надо сказать, в большом зале, плечом к плечу. Одни накладывают резолюции на входящие бумаги, другие строчат исходящие. Тишина. И вдруг раздаётся хриплый голос Присочкина, начальника отдела собирания сводок:

— Чего задумались? Есть польза! Если б пользы не было, давно бы нашу контору закрыли.

— Конечно,— поддержал его Малышкин, начальник отдела докладных записок и спецсообщений.

— Хватит обманывать себя! — сказал резкий на язык Петров, сотрудник периферийного отдела.— Давайте по существу разберёмся. Может быть, всю пользу мы сами съедаем? Вишь, сколько нас, непроизводителей, развелось!

— Кто? Мы непроизводители?! — ужаснулся Присочкин и встал на стул.— Товарищи! Петров возводит клевету на весь наш коллектив! Он уже не впервые призывает разобраться! А почему? Вы задумались над этим? Потому, что умнее других хочет быть! Работать надо, а не прожектёрством заниматься!

Присочкин слез со стула и потянулся к телефону:

— Алё! Артель «Бритва»? Где, я вас спрашиваю, сводка по форме № 13 за вчерашний день?.. Та-ак. Всё ясно: вместо того, чтобы бросить все силы на составление сводки, вы краснобайством занимаетесь!.. Ничего знать не хочу! Через час я должен подшить сводку к делу!

Бездельники! — заключил Присочкин, бросая телефонную трубку, и, поднявшись на носки, крикнул секретарю начальника:

— Ирочка! Пантелеймон Иванович у себя?

— Здравствуйте! Пантелеймон Иванович уже час, как переброшен. Ожидаю нового начальника... Ой, наверное, он!

Возглас был вызван появлением незнакомого мужчины, который уверенно пробирался по узкому проходу к кабинету с табличкой на двери «Начальник».

При этом ему пришлось обходить Присочкина, загородившего своим столом проход.

Ирочка, секретарским чутьём угадавшая начальника, распахнула дверь кабинета и вошла следом за ним, решая традиционный вопрос, останется она на второй тур или её секретарская песенка спета.

— Кто этот лысый? — спросил начальник, снимая шляпу, пальто и галоши.

— Вы про кого? — не сразу отозвалась Ирочка, догадавшаяся, что раз начальник раздевается, значит, всерьёз работать пришёл.

— А про того, что загораживает дорогу.

— А! Это Тихон Вячеславович Присочкин.

— Чем же он знаменит, этот Присочкин? — продолжал интересоваться начальник, с опаской усаживаясь за огромный стол, напоминавший бильярдный.

Ирочка, покраснев, сказала:

— Он... холостяк.

— Тоже мне заслуга! И всё?

Ирочка пожала плечами: и рада, мол, что-нибудь выдумать, да не могу — я объективный человек.

— Ясно,— сказал начальник, пытаясь дотянуться до чернильного прибора размером с нормальное корыто. Для этого ему пришлось встать и лечь животом на стол. Рядом с прибором лежала дубинка, напоминавшая гигантский красный карандаш.

— Чёрт знает что! — удивился начальник.— Распорядитесь, чтобы убрали бутафорию, а мне поставили в кабинет всё нормальное. И позовите кадровика.

— Сейчас позову вам Тихоступова.

— Кого? Мне кадровика надо.

— У нас начальник отдела кадров, извините, Тихоступов,— фыркнула повеселевшая Ирочка.

У Тихоступова было совещание. Заведующие секторами анкет, наложения взысканий, снятия взысканий, служебных характеристик, проверки, оформления и хранения личных дел, узнав, что пришёл новый начальник, по привычке подсказали Тихоступову, что дополнительные столы можно поставить в коридоре, где ещё осталось место. Эту мысль Тихоступов в порядке проявления инициативы и высказал, едва переступил порог кабинета.

— Да зачем их ставить? — поразился начальник.— Ах, да, я и забыл, что у вас обычай установился: как новый начальник, так штаты увеличивать. Читал об этом письмо Петрова. Есть у нас такой работник?

— Есть. Мне сотрудники говорили, что он бездельник и краснобай.

— Какие сотрудники?

— Э-э... Точнее, товарищ начальник, сотрудник — Тихон Вячеславович Присочкин. Его отдел собирания сводок держит первое место в соревновании. Стал ведущим отделом.

— Анекдот какой-то! — нахмурился начальник.— Подумайте, на сколько нам нужно сократить штаты.

— Извините, я ослышался.

— Не ослышались. Я сказал: нам нужно сократить штаты. Резко сократить. Например, сколько человек в вашем отделе?

— Семнадцать.

— Одного кадровика вполне хватит.

Тихоступов вышел от начальника, спотыкаясь. Увидев это, Присочкин заволновался и, когда тот проходил мимо, тихо спросил:

— Дождались?

— Дождались...— еле слышно ответил Тихоступов и приложил палец к губам.— Пока не болтай об этом.

— Дождались,— глухо сказал Присочкин соседу слева.— Разгоняют нас: штаты сокращают.

— Наконец-то взялись за ум!

— Это всё Петров. Ему хорошо, он по специальности работает, а об интересах коллектива не подумал.

— А вы разве не по специальности работаете? — спросил сосед и сконфузился, вспомнив, что должность, занимаемая Присочкиным, никакой специальности не требует.

Присочкин промолчал и повернулся к соседу справа:

— Вы слышали, и до нас добрались: штаты будут сокращать.

— Давно пора! Может быть, удастся уйти на производство. Ведь я по специальности инженер.

— Это всё Петров...

— Неужели Петров? Молодец! Пойду спасибо ему скажу!

— Тьфу! — плюнул ему вслед Присочкин и, огорчённый, пошёл к своему другу Малышкину.

На другой день Ирочка позвала Присочкина к начальнику.

— Не знаете,— спросил тот,— кто там поднял панику вокруг сокращения штатов?

— Не знаю. Но кажется, что Петров.

— У вас какая специальность?

— Уж наверное он.

— Я спрашиваю: какая у вас специальность?

— Ах, специальность? А мне показалось... Моя специальность?.. Я давно работаю в учреждении.

— Специальность у вас какая?

Присочкин от волнения проглотил слюну.

— Ветеринар,— не сразу ответил он.

— Очень хорошая специальность, дефицитная. Пойдёте работать ветеринаром. Ваш отдел мы ликвидируем. Полностью!

— Не я один здесь не по специальности. Ещё есть Малышкин и другие. Назвать всех?

— Не надо. Можете идти.

Спустя полчаса о ликвидации своего отдела узнал и Малышкин.

— Что такое происходит? — спросили приятели Тихоступова.

— Не догадаетесь? Начальникам напомнили, что они начальники и что учреждения должны приносить пользу.

— А нам куда же теперь?

— Работать по специальности.

...Бывший завхоз, потом начальник хозяйственного отдела, ныне опять завхоз, говорил Ирочке:

— Так что топить надо умеючи. Сводки, например, что собирал Присочкин, слезу дают, будто сосна. Переписка между отделами горит весело, как берёза. А копии докладных записок, что сочинял Малышкин,— ну, чистая липа! В общем, топливом мы обеспечены на всю зиму.

Борис КОТЛЯРОВ

Вы знаете её?..

Она войдёт, сощурит взгляд,
Отдышится немножко
И скажет: «Ах, привёз мне брат
С Кавказа босоножки!

Но мне они чуть-чуть тесны.
Хоть я обижу брата,
Но если вам они нужны,
То я продать их рада».

Зайдёт к соседке: «Муж прислал
Из Риги рукавички,
Да только мне размер их мал,—
И охнет по привычке. —

А вас я, милая, люблю
Сердечною любовью.
Вам рукавички уступлю,
Носите на здоровье».

А третьей скажет, будто сын
Купил отрез на платье:
«Какой, взгляните, креп-сатин!
Могла б сама сверкать я.

Но я подумала о вас:
Лишь вам к лицу такое!
Ну, прямо к цвету ваших глаз —
Небесно-голубое».

Всех обежит она спеша
И всем внушить желает,
Что вот, мол, добрая душа,
Всё людям уступает.

И дома любят так её
И муж, и брат, и дети,
Что шлют ей туфли, и бельё,
И шёлк, и всё на свете.

Но это ложь: ни сына нет,
Ни брата нет, ни мужа.
Никто — ни вы и ни сосед —
Не дорог ей к тому же.

Но придерись попробуй к ней!
Зашла, как гостья, мило.
«Цена большая? Но, ей-ей,
Сама я так платила!»

И даже тот, кто разберёт,
Что перед ним за птица,
Милицию не позовёт.
Ведь, правда, не решится?

Захочет избежать хлопот...
Она всё это знает
И смело по домам идёт,
Новинки предлагает.

г. Харьков.

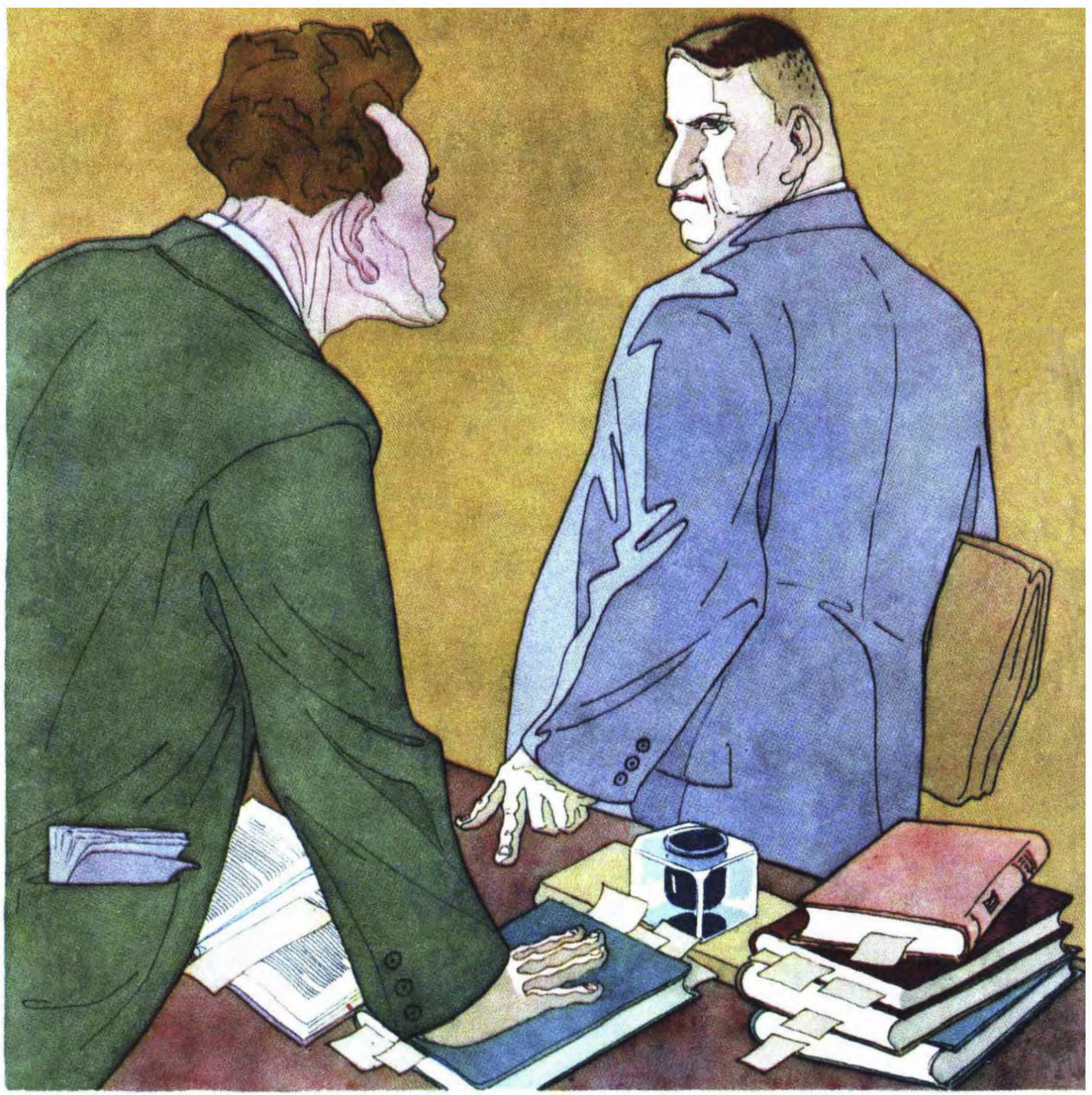

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.
По теме читательницы Г. Теленковой (г. Баку).

РУКОВОДИТЕЛЬ (ПОДЧИНЕННОМУ): — Когда же наконец вы представите мне моё мнение по запросу министерства!

ВОДЯНАЯ ФЕЕРИЯ

— Мы доставим воду прямо на скотный двор,— сказал тов. Гуслистый колхозникам. — Корова ткнёт мордой в автопоилку и получит свою порцию прозрачной и холодной влаги, идущей из самых что ни есть земных глубин.

— А скоро вы нам выроете колодец?

— Для нас это — плёвое дело,— в том же оптимистическом тоне ответил Гуслистый. — При нашей технике мы можем просверлить насквозь весь земной шар. Был бы только на это наряд!

После такой, правда, несколько смелой гиперболы колхозники сельхозартели «Память Кирова» (Молотовский район, Омской области) всей душой уверовали в могущество Черлакской конторы «Мелиоводстроя», руководимой тов. Гуслистым.

Вскоре оттуда прибыла партия рабочих. Однако с первых же дней как-то стало ясно, что земному шару не угрожает опасность быть просверлённым насквозь. С большим трудом добытчики воды достигли восьмиметровой глубины. До центра земли было ещё далеко. Но не это огорчило колхозников. Мелиоводстроевцы объявили, что на этом они заканчивают свои труды.

— А вода? — удивились колхозники. — Где же вода, которая из глубин?

— Она ещё появится,— неуверенно заметили покорители недр.

— Нет, вы уж давайте нам воду! — настаивали колхозники.

Посланцы Гуслистого после отчаянного торга приступили к прорытию второго колодца. И на этот раз им удалось углубиться в земную твердь всего на 8 метров. Результат был тот же: водой и не пахло. Но это не смутило тружеников Черлакской конторы. Они соединили оба безводных колодца, установили насос и потребовали, чтобы у них приняли работу. Колхозники же просили дорыться до воды. В ответ тов. Гуслистый кидал шапку оземь, кричал и хрипло божился, что вода появится с минуты на минуту. Но она не появилась и через месяц.

И вот председатель колхоза задумался: как же использовать автопоилки? Не хотелось снова гнать скот на Иртыш. После мучительных раздумий выход был найден. Колхоз выделил пару быков. Они подвозят воду с Иртыша. Затем эта вода сливается в колодец, оттуда поступает в водонапорную башню и далее в автопоилку.

Между тем Гуслистый трубит на весь Молотовский район о водяной феерии, поставленной по его сценарию. Но если присмотреться внимательно, за этой феерией скрывается обыкновенное очковтирательство.

МОЕ НЕ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

В РЕДАКЦИЮ «КРОКОДИЛА»

Уважаемый товарищ редактор!

Прошу Вас опубликовать нижеследующее письмо.

Джованни Джерманетто.

Господин прокурор римского Апелляционного суда!

Я прочитал в итальянских газетах, что вы потребовали осудить меня на 8 лет тюремного заключения. Сначала я не поверил своим глазам и ещё раз внимательно прочитал газету. Да, сомнений не было: вы обвиняете меня в «антинациональной деятельности» на основании 269-й статьи свода законов, изданных при Муссолини. Согласно этой статье, итальянские граждане не имеют права выступать в иностранной печати с критическими замечаниями по адресу итальянских властей.

Неужели вы, господин прокурор, не знаете, что фашистской власти на моей прекрасной родине не существует уже более десятка лет? И что, следовательно, фашистские законы давно уже пора считать недействительными? Как же вы, блюститель законов Итальянской республики, можете обвинять кого бы то ни было на основе фашистского свода законов? Что-то тут не ладно!

Вы обвиняете меня в том, что в моих статьях, опубликованных за границей, приведены некоторые данные об убийствах и репрессиях, совершённых полицией и войсками во время рабочих и крестьянских выступлений последних лет в Италии, когда у власти стояло правительство Шельбы. Вы почему-то называете эти статьи «антинациональными».

Прочитайте ещё раз эти статьи, господин прокурор, и вы убедитесь, что я использовал в них факты и цифры, ранее опубликованные даже в итальянской буржуазной печати. Быть может, расстрелы в Портелле делла Джинестра, в Чериньоле, Трани, Борджетто, Монреале, Модене, Кротоне и в других городах и селениях Италии были просто плодом фантазии досужих журналистов, в том числе и сотрудников буржуазных газет? Тогда непонятно, почему вы привлекаете к ответственности меня, а не их...

Я слышал как-то рассказ об одном деревенском судье. Дело было так. Сынок местного богатея провалился на экзамене и поклялся отомстить своему учителю. В тот же вечер он подстерёг его за углом и, улучив момент, швырнул в него камень. Учитель же в этот миг случайно повернулся, и камень попал в прохожего. И кто, вы думаете, был наказан? Учитель! Судья решил, что по его «вине» камень попал в прохожего.

Этого судью прозвали «недоношенный Соломон».

Не претендуете ли и вы, господин прокурор, на это звание? Что же получается? Кто-то в Италии расстреливает мирных людей, журналисты об этом сообщают в газетах, я использую эти факты, и я же обвиняюсь в «антинациональных» действиях. Совсем как у «недоношенного Соломона»!

Узнав о вашем «твёрдом решении» судить меня, я лишь весело посмеялся. Не имея возможности лично высказать вам моё мнение о ваших намерениях судить меня, я посылаю вам письмо через сатирический журнал «Крокодил».

Вот что мне, как «обвиняемому», хотелось довести до вашего сведения, господин прокурор, в этом моём далеко не последнем слове.

Джованни **ДЖЕРМАНЕТТО**

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Народы стран социалистического лагеря с презрением отвергают «рождественские послания» государственных деятелей США, призывающие к восстановлению капиталистических порядков в этих странах.

Пишут письмо Вашингтону...

ПО ПОСЛЕДНЕЙ МОДЕ

Птица узнаётся по песне, дерево — по плодам, а человек — по делам. Французского журналиста Пьера Макэня легко узнать по его статьям.

Мсьё Макэнь не провинциал, он парижанин. Видимо, поэтому он и изготовляет своё изысканное чтиво по последней моде. А среди газетных модников, подобных Макэню, ныне в большом ходу полуправда-полуклевета, прикрывающаяся маской этакого «личного мнения», «непосредственного впечатления». Сейчас стараются клеветать тонко, так, чтобы поверили. Но, между прочим, где тонко, там и рвётся.

Эту старую истину подтвердили статьи Макэня о его поездке в Советский Союз, опубликованные парижской газетой «Фигаро».

Макэнь ехал в нашу страну с готовым мнением. Факты не подтвердили этого мнения. Но это не смутило мсьё: тем хуже для фактов, не считаться же с ними в самом деле!

— Нам было показано очень многое,— признаётся Макэнь и тут же добавляет:— Однако это могло произвести впечатление лишь на наивных людей, но не на меня.

О да, мсьё, конечно, не так наивен, чтобы писать правду! Но он достаточно опытен, чтобы не лгать наивно.

Пытаясь внушить французскому читателю доверие к своим писаниям, мсьё Макэнь усердно создаёт видимость «объективности». Но делает он это, несмотря на свои претензии, безвкусно и, мы бы сказали, плоско.

Впечатления Макэня отдалённо напоминают бесконечную песню погонщика верблюдов, который в пустыне поёт от скуки обо всём, что попадается на глаза. Посмотрит на небо — поёт о небе; увидит облачко — поёт об облачке; верблюд махнёт хвостом — поёт о верблюжьем хвосте... И так всю дорогу. Статьи Макэня отличаются от песни погонщика верблюдов из Сахары тем, что мсьё Макэнь пишет их далеко не от скуки и не ради развлечения.

В переводе с французского песенка мсьё Макэня выглядит примерно так: проснулся в гостинице — плохая гостиница, слишком большая; пошёл завтракать — плохой ресторан, неуютный; спустился в метро — плохое метро, потому что слишком красивое; увидел заводы, высотные дома, улицы, дворы — всё плохое, плохое просто так, без всяких объяснений, ну хотя бы потому, что всего этого «чересчур много». Плохие музеи, плохие выставки, плохие кинотеатры, даже минеральная вода плохая («пахнет иодоформом»). Пешеходы, и те плохие: они, видите ли, ходят по улицам «быстро, а не фланируют», и это не нравится мсьё.

Приехал мсьё в Московский университет на Ленинских горах. Ему показывали первоклассные лаборатории и научные кабинеты, он долго «фланировал» по удобным аудиториям и уютным общежитиям... Казалось, теперь уж и его проймёт. Тысячи иностранцев, побывавших здесь до и после него, сказали и написали о дворце науки десятки тысяч добрых слов. Но ведь то были «наивные люди». А мсьё Макэня не проведёшь.

—Я искал там на столах, на пюпитрах что-нибудь такое, что я мог бы понять: сердце, вырезанное остриём ножа, или же надпись «Попов любит Ариану»,— пишет он и добавляет: — Нет! Ничего! Пустыня!..

И вывод: плохой университет, слишком уж он «аккуратно распланирован». Никакой, так сказать, романтики...

В таком вот недовольном тоне и выдержаны все статьи Макэня. Одно ему у нас просто не нравится, другое вызывает у него скептическую улыбку, третье — презрительную усмешку, четвёртое его раздражает, пятое выводит из терпения...«И зачем только было время терять на такую поездку?» — слышится в его сетованиях вопрос, явно адресованный тем французам, которые мечтают побывать в Советской стране.

Много приезжает к нам разных гостей. Одни — чтобы увидеть правду. Другие — а их меньшинство — чтобы правду исказить. Наш народ гостеприимен, он никому не навязывает ни своего вкуса, ни своего мнения, ни своих порядков. Он строит новую жизнь и радушно приглашает всех желающих: милости просим, приезжайте к нам, смотрите, оценивайте, размышляйте! Что же касается господ Макэней, то на их счёт есть хорошая русская пословица: «Враньё — что драньё: того и гляди, руку занозишь».

В. ГРИГОРОВИЧ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Английский маршал авиации Слессор заявил: «Мы никогда не сможем и не имеем права согласиться с запрещением атомного и водородного оружия потому, что оно наш главный козырь».

ЗАРВАВШИЙСЯ ИГРОК

КОММЕНТАРИИ НЕ ТРЕБУЮТСЯ

В городе Алеппо (Сирия) из уст в уста передаётся следующая история.

Один известный сирийский журналист побывал с делегацией в Советском Союзе. Вернувшись домой, он восторженно рассказывал друзьям о своих путевых впечатлениях... Однажды вечером в каком-то глухом переулке к нему обратился незнакомец. Сунув ему в руки пакет, в котором оказалось три тысячи фунтов стерлингов, незнакомец предложил журналисту вместо правдивого репортажа опубликовать уже готовую клеветническую статью. Тот запросил более высокую цену, и наконец они сошлись на четырёх тысячах. Клеветническая статья и в самом деле появилась в газете, но на следующий же день в этой газете была опубликована статья под названием «Как я заработал 4 000 фунтов», в которой сирийский журналист рассказал обо всей этой истории.

Американское консульство, почувствовав себя оскорблённым, подало на журналиста в суд. Однако на суде он смог доказать, что переданные ему банкноты были в тот же день получены из банка одним из служащих консульства.

Такова история, над которой смеётся весь Алеппо.

Из австрийской газеты «Эстеррейхише фольксштимме».

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ВИНОВНИК НЕДОСТАЧИ

— Держи его!

РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ...

Директор Запорожского трансформаторного завода тов. Трегубов в июне прошлого года получил письмо от Чкаловского завода имени Кирова. В самых почтительных выражениях чкаловцы просили директора ускорить поставку им трансформатора.

— Ещё чего захотели! — возмутился тов. Трегубов и тут же дал достойную отповедь дерзким клиентам:

«Сообщаю, что ваше письмо является совершенно не обоснованным и противоречит договору № 443... Срок поставки... III квартал, а не первый, как вы утверждаете. Трансформатор ТМ 560/10 вам будет поставлен согласно договора в III кв. 1955 г.».

И лицо его выражало искреннее возмущение.

Наступил третий квартал. Чкаловцы робко напомнили о трансформаторе. Директор Трегубов не замедлил с ответом:

«Просимый вами трансформатор... может быть поставлен в ноябре месяце».

При этом на лице его отразилось сознание собственного достоинства. «Сказал,— значит, так оно и будет. Моё слово — закон!»

В ноябре чкаловцы снова побеспокоили Трегубова. И тот, как ни в чём не бывало, отвечал:

«...Сообщаю, что отгрузка трансформатора намечена на декабрь мес. Задержка происходит потому, что завод не выполняет плана по этому виду изделий».

Нелегко выступать с подобного рода признаниями... И на лице директора Трегубова отразилось минутное замешательство.

Впрочем, Трегубов быстро оправился. На очередное письмо из Чкалова он бодро ответил:

«...Отгрузка трансформатора задерживается из-за отсутствия вагона назначения ст. Оренбург».

Наконец-то нашлась объективная причина! И на лице директора заиграла удовлетворённая улыбка.

Год подходил к концу. Чкаловцы не переставали тревожиться о трансформаторе. Трегубов отвечал им коротко и ясно:

«На ваш запрос... сообщаю, что трансформатор ТМ 560/10 в текущем 1955 году отгрузить не сможем...»

И на лице его спокойном не отражалось ничего...

До сих пор неизвестно: когда же наконец чкаловцы получат свой трансформатор?

БЕЗ ОТРЫВА ОТ ТЕЛЕФОНА

С утра в Петровском райисполкоме Ставропольского края царило несколько необычное оживление.

— Читали «Ставропольскую правду»? — говорили одни сотрудники другим.— Оказывается, теперь у нас заведует отделом строительства не товарищ Гейко, а какой-то новый товарищ Лойко!

А в это время руководители лесного хозяйства района упрекали своих сотрудников:

— Краевая печать хвалит Ольгу Плисовую, её лесничество заняло первое место... А кто она такая? Где её искать?

И только один бывалый старожил охладил разгорячённые умы.

— И Гейко и Лойко — одно и то же лицо,— разъяснял он.— Вернее, существует один Гейко, а Лойко нет совсем в природе. И руководитель лесничества хотя и Ольга, но не Плисовая, а Лисовая... Ничего удивительного в таких превращениях нету. Вы что, не знаете стиль корреспондента Лукашевича?

Между тем в квартире собственного корреспондента «Ставропольской правды» по Петровскому району тов. Лукашевича была спокойная, деловая обстановка. Сам хозяин квартиры «сидел» на телефоне и организовывал очередную корреспонденцию в краевую газету.

Что-то будет!..

Папа пишет прямо...

Сегодня папа пришёл со службы очень рано, раньше, чем я ушёл в школу, и сказал:

— Всё. Я сгорел, как свеча.

У мамы глаза сделались круглые и большие.

— Поздравляю, — сказала она.

— Спасибо, — ответил папа.

— Сняли или по собственному? — спросила мама.

— По собственному.

— Это подлец Храпковский под тебя подкопался?

— Он самый...

Тут я понял всё. Храпковский — это папин враг. Где бы папа ни работал, у него есть враги. В тресте был Ласточкин, на кирпичном заводе — Сулейменов, на мельнице — Голубкин, в райторге — сразу три врага: Мамочкина, Майборода и Шакин. Все они подкапывались под папу, рыли ему яму. Папа знал про яму и старался в неё не попадать. Но как он ни старался, как ни остерегался, он в неё попадал. И тут все начинали кричать, что он провалился на работе. После этого папа немного отдыхал дома, и всё начиналось сначала. Вот почему, когда папа пришёл домой, мне стало жалко его, и я спросил:

— Ты опять провалился?

Папа страшно рассердился, стукнул меня по затылку и выгнал на кухню. А мама сказала, что такие маленькие мальчики, как я, не должны во всё вмешиваться, всюду совать свой нос. Лучше держать язык за зубами. Странно! Как будто я держу его в другом месте!

На кухне никого не было. Я взял букварь и начал читать про то, что мама моет раму. Потом пришёл наш сосед старик Бедросов, весь гнутый, как стул.

— Ну как, орёл, — спросил он, — не погнали ещё твоего папашку с работы?

— А вот и не погнали, — сказал я. — Он только провалился.

Старик Бедросов так засмеялся, что у него чуть было не выпали зубы, которые он на ночь закладывает в банку из-под молодой болгарской фасоли. Когда старик затолкал свои зубы в рот, он сказал, что со мной приятно беседовать, такой я образованный и остроумный.

Я ещё хотел кое-что рассказать, но тут вошла мама и увела меня в комнату.

Папа лежал на диване, накрывшись «Советским спортом». Но он не спал, а только ругал Храпковского.

Мама начала просить его не волноваться, не обрывать себе сосуд, который идёт к сердцу, потому что если его чуточку порвать, то уже никакая работа не нужна. Но папа сказал, что он не волнуется, а думает, как бы довести до бюллетеня этого интригана Храпковского.

Так папа и мама беседовали до самого вечера, пока не пришли гости. Я так и знал, что сегодня придут гости! Мама говорит, что они всегда приходят в самый «неподходящий момент». Они являются, когда мама лежит с грелкой, когда все магазины закрыты и негде купить торт «Отелло» и конфеты «Стратосфера». Они приходят, когда все собрались в кино и пропадают билеты. Вот когда они приходят!

Гости были весёлые и всё время шутили. Лидия Васильевна рассказывала про то, как она отдыхала с Самуилом Борисовичем в Сухуми. А Самуил Борисович острил и веселился и говорил, что мама замечательно выглядит, а папа так помолодел, что ему надо гонять на льду шайбу.

Мама вздохнула и сказала, что купит ему коньки, у него теперь найдётся время для хоккея.

Потом Самуил Борисович начал расспрашивать про работу. Папа ничего не отвечал, а только мотал головой и хмыкал носом. Когда гости ушли, он сказал, что Самуил Борисович — тоже хороший фрукт.

С этого дня папа сделался какой-то скучный. Он больше не играл со мной в прятки, не боролся и не спрашивал, когда я приходил из школы:

— Как делишки, Васюков? Надеюсь, вы ничем не огорчили Министерство просвещения?

И если я ничем не огорчал, папа давал конфету.

Теперь папа много спал, читал «Советский спорт» и слушал по радио эстрадные передачи. Мама говорила, что папе лучше подучиться и, может быть, тогда ему дадут большую работу. Но папа ответил, что ему плевать на учёбу. От учения умнее не делаются. Это факт. От учения ещё больше дуреют. Тут мама начала моргать и показывать на меня глазами, и папа сразу же затормозил и начал говорить, что он пошутил. Когда он был мальчиком, то учился лучше всех, и директор, бывало, без конца целовал его в голову и говорил: «Молодец, Васюков, если бы у меня была золотая медаль, я бы сразу тебе её дал!». Но в то время золотых медалей ещё не было.

Через два дня папа пришёл и сказал, что ему хотят дать новую работу.

— Что-нибудь стоящее? — спросила мама. — Как тебе придётся писать?

— Прямо.

— Лучше бы косо.

— Без тебя знаю, что лучше. Только косо не дают.

— Почему?

— Не доверяют.

— Но ведь ты столько лет писал косо!

— Вот это и я говорил. А они не соглашаются.

— А ты согласился?

— Не на того напали!

С этого дня только и было разговоров о том, что лучше писать косо, чем прямо. И я начал потихонечку писать в тетрадке косо и получил двойку. Папа увидел двойку и начал кричать, что я страшный лодырь и не слушаю учительницу. Надо писать не косо, а прямо! Вот тебе и раз! Слыхали ли вы что-нибудь подобное?

Когда папа и мама ушли в кино, я прошёл на кухню, к старику Бедросову. Он жарил себе яичницу.

— А-а-а, молодой человек! — обрадовался старик. — Давно с тобой не беседовали. Что у вас новенького? Дали твоему папашке работу?

— Дают, — ответил я, — но писать на ней надо прямо.

— То есть как прямо?

— А так.

— Хм... А папашка твой не соглашается?

— Нет. Он привык косо.

— А ему не дают?

— Не дают.

Старик Бедросов начал так смеяться, что его ещё больше согнуло, и он стал похож на колесо.

— Ох-хо-хо! Видать, губа не дура у твоего папашки!

— А что значит косо? — спросил я.

— Косо — это значит, молодой человек, писать на уголке бумаги. Резолюции писать. Ясно? Начальником хочет быть твой папашка. А ему не дают. Он у тебя мало учёный... Понял?

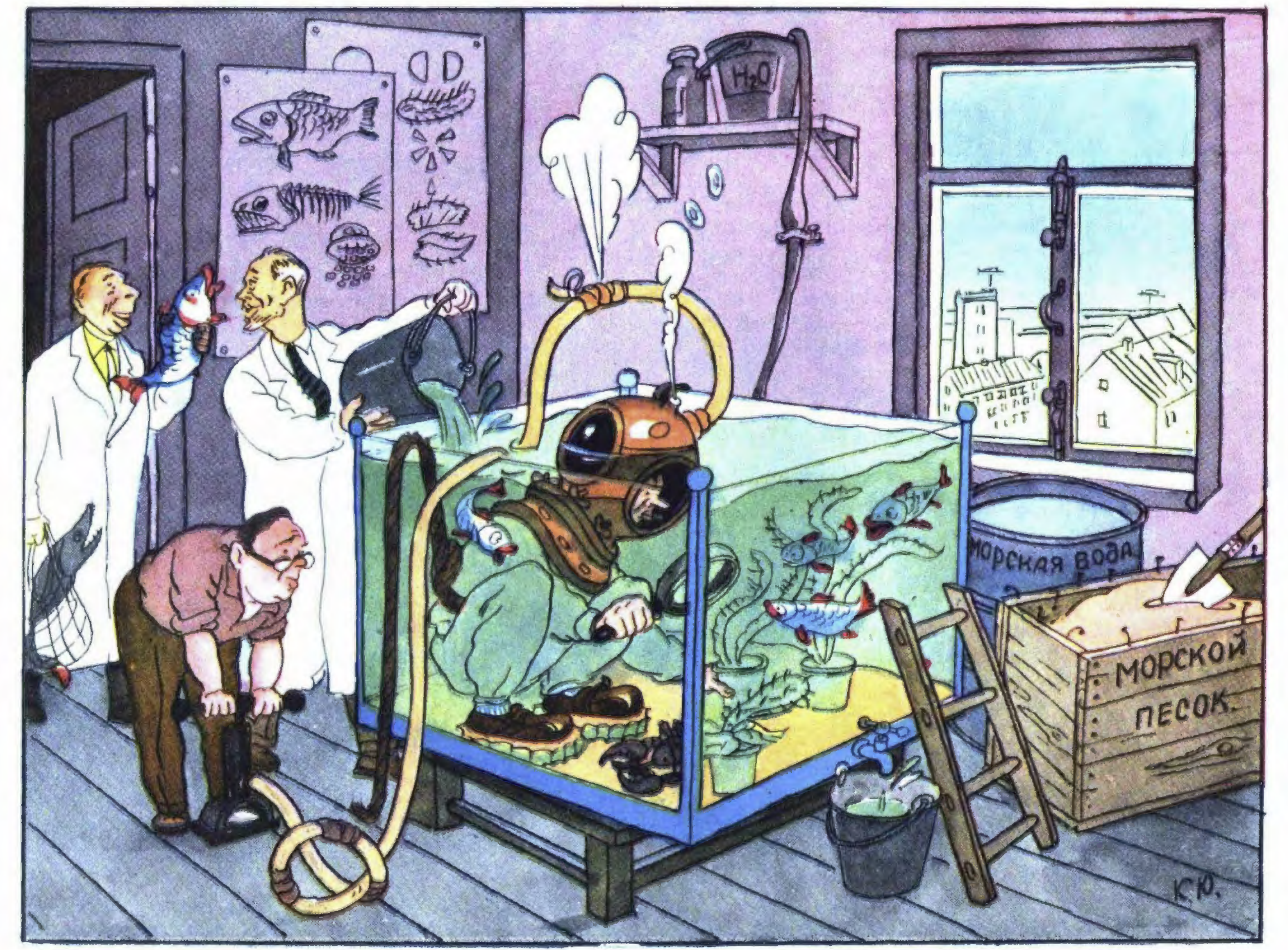
Ничего я не понял. Взрослых бывает трудно понять. Лучше их поменьше спрашивать!..

Папа отдохнул немного и начал работать. Но теперь он пишет прямо, так же, как и я.

С. ШАТРОВ

ДАЛЕКО ОТ ВОДЫ

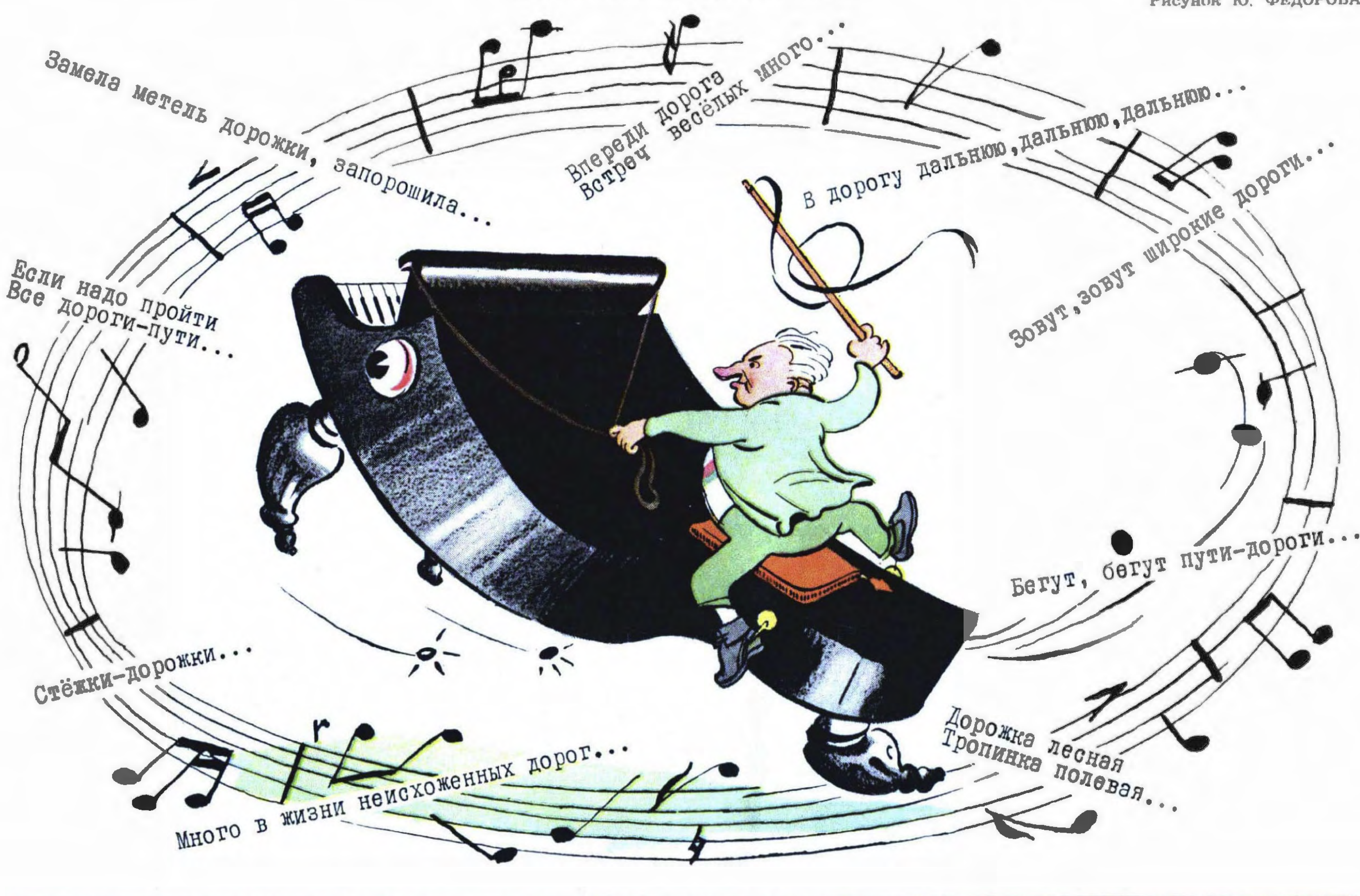
Рисунок Ю. КОРОЛЕВА.

Углублённая работа одного научно-исследовательского института рыбного хозяйства.

ПО ПРОТОРЁННОЙ ДОРОЖКЕ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

«МЕРЫ ПРИНЯТЫ...»

Каждое утро, за исключением, разумеется, выходных и праздничных дней, директор Горьковской областной конторы «Сельэлектро» Пётр Николаевич Модератов появляется в своём кабинете. И, конечно, первым делом интересуется, всё ли во вверенной ему конторе в порядке. Прессу посмотрит, бумажки, какие следует, подпишет, сигналы с мест послушает. Вроде бы всё как надо. И Пётр Николаевич спокоен.

Но не всегда бывает так. Жизнь полна неожиданностей. Петру Николаевичу приходится иной раз и поволноваться.

Особенно много волнений принёс Модератову минувший год. Как-то весной секретарша молча положила перед ним несколько бумажек, имевших, как говорят, прямое отношение к деятельности начальника Кстовского отделения «Сельэлектро» Трофименко.

«Трофименко самовольничает!» — писала районная газета.

«Сидим по милости Трофименко без света»,— жаловались колхозы.

«Считать невозможным оставление тов. Трофименко на работе»,— сообщал райисполком.

Модератов вызвал секретаршу.

— Напишите ответ. С умом, конечно. Мм... укажите, что кое-что действительно имело место. Трофименко, мол, будет освобождён от этой работы, когда из отпуска вернётся, ну, и ещё что-нибудь в этом духе...

Вскоре Трофименко предстал перед своим начальником. Плотно закрыв двери, Модератов приступил к беседе с проштрафившимся подчинённым.

— Только на вас и уповаю, Пётр Николаевич! — проникновенно говорил Трофименко.

— Правильно,— согласился Модератов.— В обиду своих работников я не дам!

— Золотые слова! — подхватил подчинённый. И долго рисовал перед разомлевшим Петром Николаевичем картину любви и уважения, которые питают работники «Сельэлектро» к своему начальству.

Беседа кончилась к обоюдному удовлетворению сторон. Модератов остался в кабинете вдыхать воскуренный ему фимиам, а Трофименко покатил в другой район начальствовать над таким же отделением «Сельэлектро».

Не успел Пётр Николаевич разделаться с этой неприятностью, как нагрянула другая. На сей раз отличился заведующий плановым отделом конторы Логачёв.

— Ах, как нехорошо! — журил Пётр Николаевич своего подчинённого.— Неужели вы в самом деле незаконно брали деньги?

— А почему же не брать, если возможности к тому имеются? — удивлялся Логачёв.

— М-да,— задумывался Модератов.— Это логично. Но... надо было поосторожней. Уж больно общественное мнение вы против себя восстановили. Придётся нам с вами расстаться. Вот вам приказ о сокращении штатов с пунктиком о выходном пособии. Не поминайте лихом!

Уладил и это кляузное дело Модератов. И вдруг зашумели страсти в Борском районе вокруг начальника районного отделения «Сельэлектро» Панина.

Разговор о Панине шёл крупный. Два года выплачивал этот начальник своей супруге-домохозяйке заработную плату контролёра, не брезговал при случае и другим каким-нибудь способом в государственный карман руку запустить.

Обо всём этом сообщила в редакцию районной газеты кассирша отделения Уткина. Дабы другим неповадно было выносить сор из отделения «Сельэлектро», Панин уволил кассиршу. Да не только уволил, но и внимательно проследил, чтобы Уткина куда-нибудь на другую работу не определилась.

На защиту Уткиной стала печать. Прочитал Пётр Николаевич газетный фельетон и разозлился. На Уткину, конечно. «Ишь, ты! — возмущался Модератов.— Кассирша, а туда же, в критики метит!..»

Но меры принимать надо. И Пётр Николаевич их принял.

— Как же это вы опростоволосились? — укорял он Панина.— Такого стреляного воробья и вдруг какая-то Уткина обскакала!

— Грешен, Пётр Николаевич! Недосмотрел. Не надо было эту Уткину на работу брать,— каялся Панин.

— Но ты осознал свою вину? — не унимался Модератов.

— Как есть осознал! В следующий раз умнее буду.

— То-то! Что ж, кадрами я разбрасываться не намерен, тем паче, что за битого двух небитых дают. Однако с той работой тебе, брат, придётся распрощаться. Перейдёшь ко мне в контору работать. Местечко не хуже, чем было...

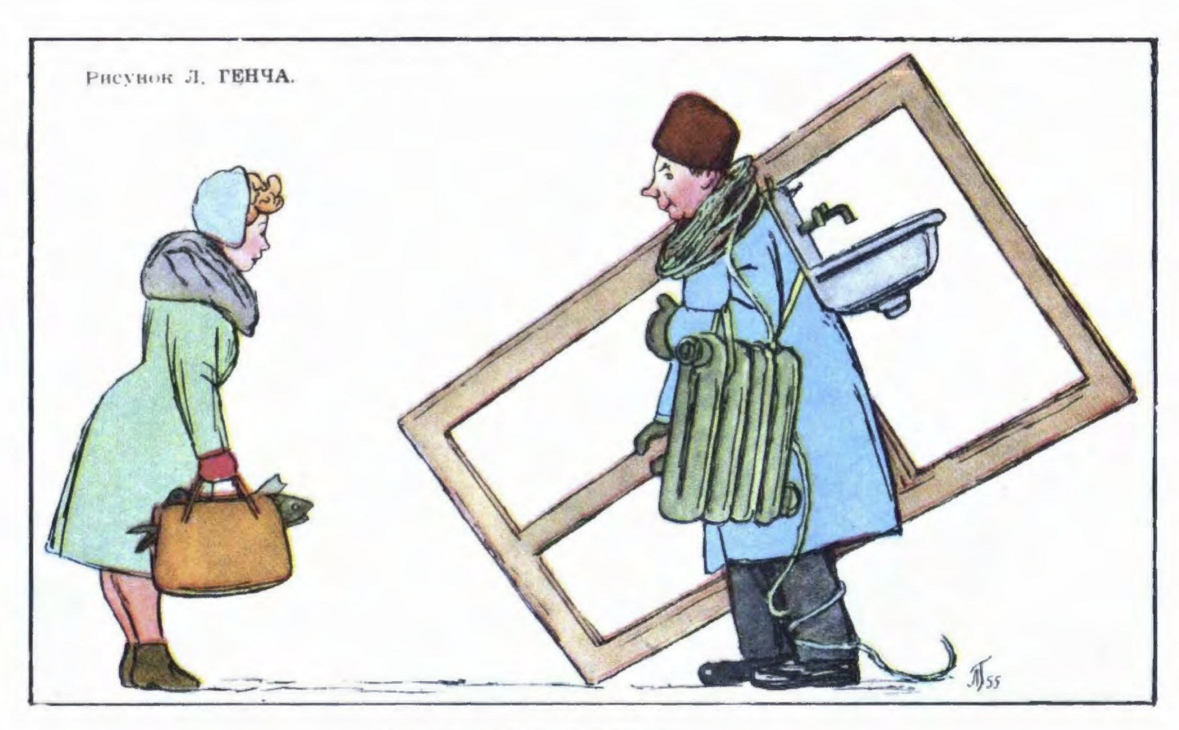
И со спокойной совестью Пётр Николаевич сел писать ответ в газету: «Часть опубликованных фактов имела место... Были финансовые нарушения... Меры приняты...»

Так и идёт своим чередом жизнь в «Сельэлектро». А что касается всякого рода сигналов о неблагополучии в областной конторе, то Пётр Николаевич настороже: уж он приложит все усилия, чтобы они заглохли в его кабинете. И впрямь, у Модератова не кабинет, а усовершенствованный глушитель. А сам Пётр Николаевич здесь ни при чём. Ему тоже нелегко: всё-таки скольких трудов стоит выгородить своего человека!

А. КОЛЧИНСКИЙ

г. Горький.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Зачем вам эти вещи!
— Получил квартиру в новом доме.

БЫВАЕТ И ТАК...

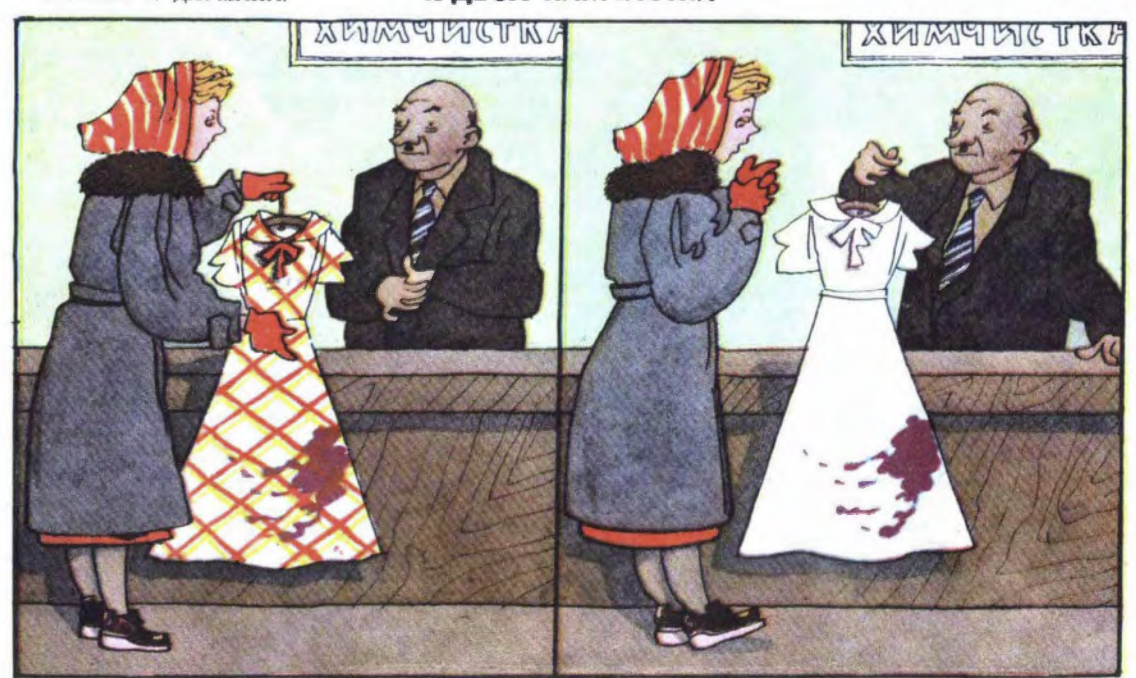
Рисунок С. КУЗЬМИНА.

— Я решил сходить подремонтироваться.
— Счастливого пути! Мы только что оттуда.

Рисунок Г. ДАУМАНА.

ЧУДЕСА ХИМЧИСТКИ

Нуль

Снова осень. Вновь экзамены.
В доме паника опять.
Побледнели щёки мамины,
Папа стал тревожно спать.

Ходит бабушка на цыпочках,
Кашлять в кухне должен дед,
Во дворе сестрёнка Липочка
Под берёзой ест обед.

Мама дни и ночи мается,
Шепчет скорбно там и тут:
— Тише! Эдик занимается!
Он сдаёт в мединститут!

С миной кислой и усталою
Эдик в зеркало глядит.
Лет под тридцать, видно, малому,
У него цветущий вид.

Ни одной в душе царапины,
Жизнь легка, как пируэт.
Позволяют средства папины
Не работать восемь лет.

Только зря вокруг злословят все!
Всё же есть у парня плюс:
Эдик восемь лет «готовится»,
Поступает Эдик в вуз.

Он сдавал в энергетический,
В физкультурный, говорят,
Подавал в экономический,
Даже — в студию при МХАТ.

Но надежды гасли мамины,
Каждый раз срывался план:
Сын в итоге всех экзаменов
Попадал лишь... в ресторан.

Там, забыв про синус-косинус,
Про азот и водород,
Он до следующей осени
Пил с друзьями под фокстрот.

Вновь сентябрь. Опять страдания.
Снова замыслам капут.
Эдик — бедное создание! —
Не попал в мединститут.

Ждёт с надеждой мама Эдика:
Осень новая придёт!
Из сынка не вышло медика,
Может, выйдет зверовод?

Юрий ФИДЛЕР

г. Баку.

Дорогой Крокодил!

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогой Крокодил!

Насколько известно, современная техника ещё не сказала своего слова о том, как ремонтировать тракторы без запасных частей. Но, видимо, Новосибирская областная контора Глававтотракторосбыта и её Карасукское межрайонное отделение не желают признавать этот бесспорный факт. И вот механизаторы Веселовской МТС оказываются, прямо скажем, в пиковом положении.

Послали мы недавно в упомянутое отделение очередную заявку на запасные части. Было в той заявке 263 наименования самых необходимых деталей. А из всего этого количества дали нам... 55 и ещё «добрый совет» почти в стихотворной форме: дескать, больше не пишите, не просите, ищите сами, где хотите.

И решили мы послать ходока в Новосибирск, за 500 километров,— прямо к управляющему областной конторой тов. Жабину. Приехал туда наш главный инженер, долго просил, уговаривал, и наконец смягчился тов. Жабин. «Ладно,— говорит,— отпущу вам кой-какие детали».

Инженер, конечно, обрадовался, засуетился: «Ах, большое вам спасибо, сейчас побегу похлопочу насчёт транспорта!» А тов. Жабин ему говорит: «Ну зачем же транспорт? Карманы у вас есть?» И выдал озадаченному инженеру... четыре подшипника.

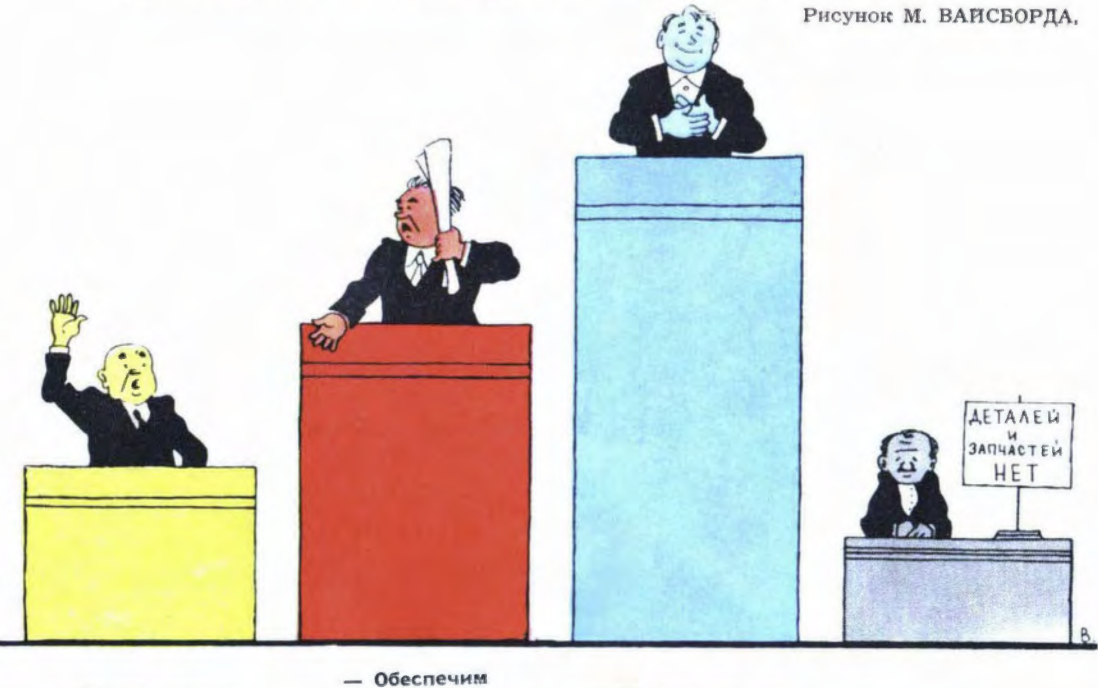
Теперь мы думаем и гадаем: как бы нам в порядке модернизированного библейского чуда разделить четыре подшипника на 170 тракторов?

Председатель рабочего комитета Веселовской МТС П. ВИЧУЖАНИН.

Новосибирская область.

ДИАГРАММА РАБОТЫ ОДНОГО ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Дадим детали в срок! — Обеспечим запчастями полностью! — И детали будут, и запчасти будут! . . . .

Товарищ Крокодил!

Помоги, пожалуйста, коллективу нашей Чуюнчинской МТС разобраться в одном весьма запутанном деле: есть у нас руководитель или нет?

Возможно, вопрос наш покажется тебе праздным: раз есть, мол, в МТС штатная директорская должность и кто-то её занимает, стало быть, этот «кто-то» и является руководителем.

Но как быть, ежели и должность есть и лицо, её занимающее, имеется, а руководства фактически нет?

Был у нас директор тов. Шевченко. Откомандировали его на учёбу и назначили на освободившееся место тов. Игнатьева. Жил Игнатьев за 25 километров от МТС и осуществлял руководство главным образом по телефону. Через некоторое время прислали нам из Уфы третьего директора — тов. Рынгача. Этот тоже долго в МТС не задержался и при первой возможности укатил в родные уфимские места. После Рынгача назначили нового директора — тов. Петрова. И он также предпочитает руководить нами на расстоянии, отчего многие неотложные вопросы откладываются на три — четыре дня, пока тов. Петров не соизволит заглянуть в МТС.

Как видишь, за короткий срок Министерство сельского хозяйства Башкирской АССР назначает нам четвёртого директора, и мы, признаться, начинаем уже путаться в их именах.

Да что мы! Само министерство в них запуталось.

Недавно в один день в МТС прибыли от трёх замминистров, тт. Денисова, Рахимова и Уразбахтина, три директивы: одна директива на имя директора МТС Петрова, другая — на имя директора Рынгача и третья — на имя директора Шевченко.

Вот насколько осведомлено министерство о делах нашей МТС, к слову сказать, крупнейшей в республике!

Суди теперь сам, дорогой Крокодил, праздный или непраздный наш вопрос о руководстве.

Т. ЗАРИПОВ, секретарь парторганизации Чуюнчинской МТС.

Башкирская АССР.

Уважаемый Крокодил!

Если судить по количеству арбитражных претензий, наш Пярнуский механический завод — предприятие с неважной репутацией. Его представители регулярно приглашаются в арбитраж на правах ответчиков,

и он систематически платит штрафы за невыполнение плана сдачи металлических отходов. Самим Министерством машиностроения и приборостроения СССР предписано ему реализовать 26 тонн отходов в год, а завод не справляется и с половиной задания!

По этому вопросу между заводом и главками министерства ведётся интенсивная переписка.

Надо войти в положение директора завода тов. Куцумилова. Расходуя за год, в соответствии с планом, на нужды производства 34 тонны цветных металлов, сдавать 26 из них в отходы довольно трудно.

Впрочем, может быть, непосредственный руководитель данной отрасли промышленности, начальник Главпродмаша А. Е. Крикунов, к которому завод неоднократно апеллировал, считает целесообразным, чтобы 75 процентов металла шло в стружку?

Тогда просим соответствующих официальных разъяснений.

Заместитель председателя исполкома городского Совета Ф. МАДИСОН

г. Пярну.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

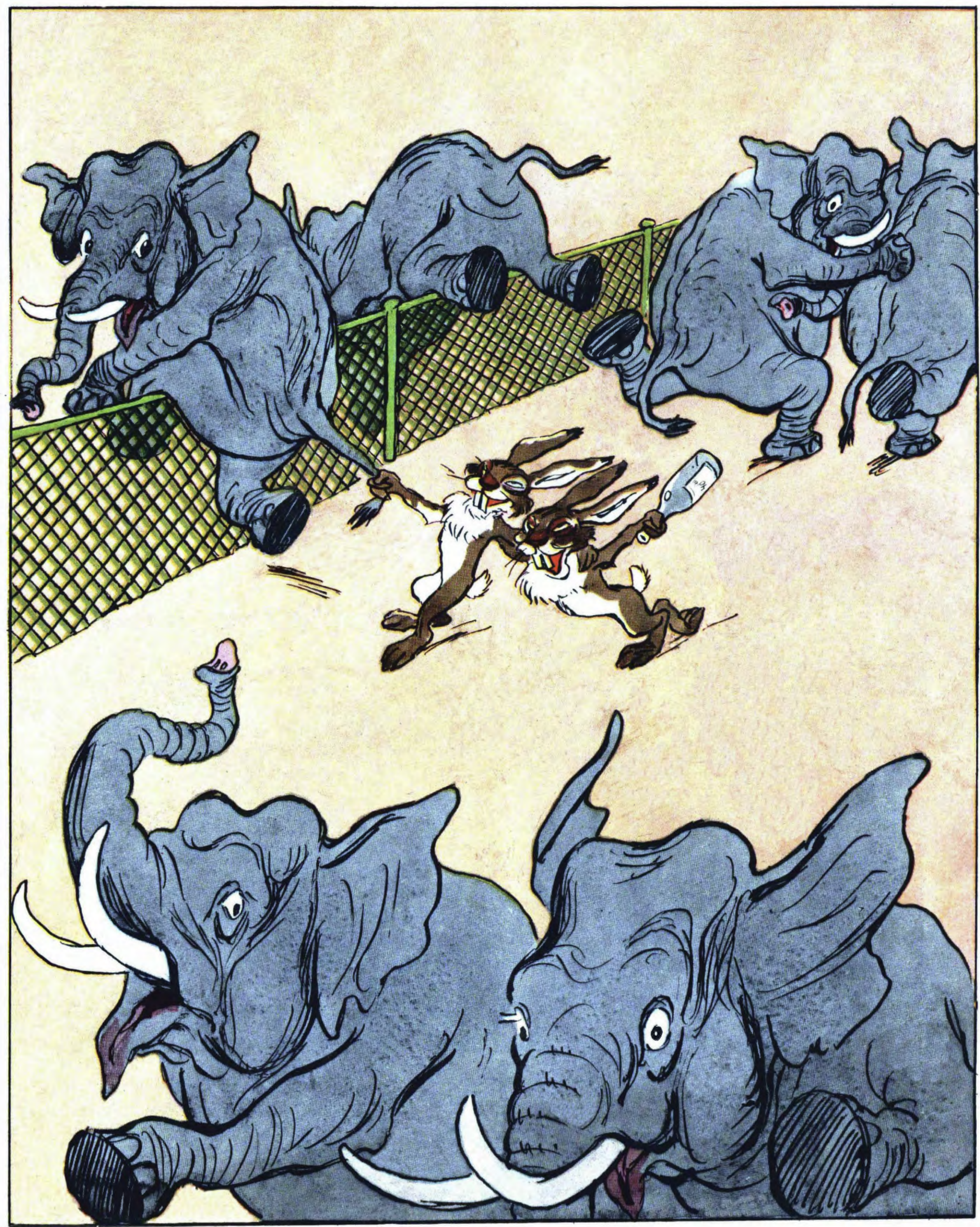
Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00713. Изд. № 85. Подписано к печати 19/I 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 130. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЗАЙЦЫ ВО ХМЕЛЮ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Что случилось!
— Да опять пьяные зайцы хулиганят!